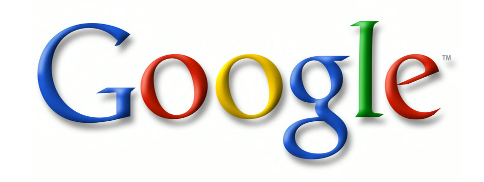

Slav
WIDENER LIBRARY
HX 49KA 7
3 2044 014 089 569

Двухсотлѣтней

ПАМЯТИ И. И. НЕПЛЮЕВА.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ Собраніи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ день 7 ноября 1893 г.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, и Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА Н. А. ѲИРСОВА.

(О связи дѣятельности И. И. Неплюева съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго).

„На что въ Россіи не взгляни, все его (Петра В.) началомъ имѣетъ, и что бы впредь не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ". Такъ охарактеризовалъ дѣятельность Петра В. въ своихъ любопытныхъ запискахъ И. И. Неплюевъ, памяти котораго посвящено настоящее собраніе нашего общества. Ясно, что онъ и свою правительственную дѣятельность вводитъ въ связь съ государственной программой Величайшаго изъ дѣятелей русской земли.

Государственная программа нашего преобразователя первой четверти XVIII столѣтія, сложившаяся, надо замѣтить, постепенно по мѣрѣ указаній опыта,—весьма обширна: нѣтъ стороны жизни русскаго народа, который бы она не коснулась.

Въ своей великой преобразовательной дѣятельности Петръ Великій, какъ истинно русскій дѣятель, не могъ обойти вопроса о русскомъ движеніи на востокъ, и въ тотъ между прочимъ край, правительственная дѣятельность Неплюева въ которомъ и сдѣлала его имя славнымъ въ нашей исторіи.

Это русское движеніе на востокъ не при Петрѣ В. началось: оно началось почти вслѣдъ за образованіемъ русскаго государства и, прерванное на время господство татарскихъ хановъ и князей надъ русскою землею, послѣ уничтоженія та-

коваго, пробудились съ новою, небывалою силою: въ результатѣ такого движенія получилось то, что къ концу XVII столѣтія Великій Русскій Государь сдѣлался обитателемъ необозримаго пространства земель, въ Азіи вплоть до Великаго океана и въ Европейской Россіи до Урала.

Но это русское движеніе на востокъ ведено было большею частію простонародьемъ чисто примитивными средствами и способами: русскіе люди идутъ все далѣе въ невѣдомыя страны по обычаю русскому артелями, съ топоромъ, звѣроловными и рыбными снарядами и потомъ съ пищалею, имѣя одну цѣль—собирать на имя В. Государя ясакъ съ обитателей новыхъ землицъ и самимъ при этомъ поживиться на ихъ счетъ и удовлетворить потребности проявить свою удаль и отвагу,—потребности, которая съиздавна была присуща русскимъ людямъ.

Петръ В., не отвергая этого стариннаго характера движенія русскаго на востокъ, желалъ ему придать и иной характеръ: поставивъ главною задачею своей многосторонней дѣятельности обогащеніе Россіи посредствомъ развитія промышленныхъ силъ страны, онъ, что касается до Закамскаго края, гдѣ губернаторствовалъ потомъ Неплюевъ, рѣшилъ сдѣлать его русскимъ не по имени только, какимъ онъ былъ до него, а на самомъ дѣлѣ и для этого колонизировалъ его въ русскомъ смыслѣ и воспользовался, при помощи знанія, этимъ краемъ, богатымъ металлами, минералами и другими дарами природы для обогащенія казны. Кромѣ того, когда экспедиціи Бухгольца и кн. Черкасскаго, предпринятыя съ цѣлію проложить русскимъ торговые пути въ Среднюю Азію, найти новый источникъ обогащенія казны въ предполагавшихся около тамошнихъ рѣкъ золотыхъ россыпяхъ, кончались неудачно, Петръ В. обратилъ вниманіе на Закамскій край, какъ на такой пунктъ, чрезъ который, по его расчету, должны были завязаться торговыя сношенія русскихъ съ средне-азіатскими народами, и, если будетъ возможно, съ Индіей.

Но Петръ В. очень хорошо зналъ, что всѣ эти его виды и намѣренія могутъ быть исполнимы лишь тогда, когда корен-

ные насельники края, главнымъ образомъ Башкирцы и переселившіеся къ нимъ въ значительномъ числѣ прежніе подданные Казанскихъ и Сибирскихъ хановъ, татарскіе мурзы и муллы, будутъ приведены къ совершенной покорности русской власти. „Въ виду этого,—пишетъ историкъ Оренбургскаго края Рычковъ,—неоднократно Петръ В. изволилъ имѣть разсужденіе, какимъ бы образомъ отъ сихъ непостоянныхъ народовъ единожды такую безопасность учредить, которая бы не только на вѣчныя времена прочна могла быть, но и къ дальнѣйшимъ Его В—ва намѣреніямъ чрезъ то бы основаніе положить". При этомъ съ обычною своею проницательностію онъ указалъ тотъ пунктъ, гдѣ уже была яхта и гдѣ дѣйствительно потомъ Неплюевымъ проведена была линія военныхъ поселеній, которыя, охватывая со всѣхъ сторонъ Башкирцевъ и перерѣзывая ихъ край, вмѣстѣ съ тѣмъ долженствовали разъединить ихъ отъ другихъ инородцевъ.

Но едва Петръ В. приступилъ къ выполненію этого предпріятія, какъ скончался. Однако планъ чрезъ Закамскій край проложить для Россіи путь къ торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію, основать на башкирскихъ земляхъ русскія торговыя и промышленныя поселенія и для безопасности ихъ отъ нападенія туземцевъ и ихъ сосѣдей устроить въ этомъ краѣ военныя поселенія,—этотъ планъ не былъ забытъ послѣ кончины величайшаго изъ русскихъ колонизаторовъ. Напротивъ изъ всѣхъ стремленій Петра В., которыя онъ не успѣлъ осуществить при своей жизни, изъ всѣхъ начинаній его ни одно, можно сказать, не оцѣнено послѣ него такимъ достойнымъ образомъ, не поддержано такъ ревностно, какъ это его намѣреніе, которое, по словамъ Рычкова, извѣстно было многимъ знатнымъ особамъ. Это много, конечно, зависѣло отъ того, что, по стеченію обстоятельствъ, приводить этотъ замыселъ Преобразователя выпало на долю Кириллова, Татищева и Урусова, людей воспитанныхъ въ его школѣ, бывшихъ его сотрудниками, глубоко проникнутыхъ его идеями и стремленіями, пріученныхъ къ труду и способныхъ начатое

дѣло не покидать на полдорогѣ, а вести его, не смотря ни на какія препятствія, до конца, тогда какъ многія другія великія задачи, заданныя эпохой реформы, послѣ смерти ея представителя попадали въ руки лицъ, не имѣвшихъ ни политическаго образованія, ни служебной опытности, ни честности, ни заслугъ государства, а выдвинувшихся путемъ придворныхъ интригъ, и которыя потому или вовсе не выполнялись, или, если выполнялись, то въ направленіи, далеко уклонявшемся отъ видовъ великаго императора. Они, эти немногіе люди, были болѣе, чѣмъ кто либо изъ ихъ современниковъ, наслѣдниками духа и стремленій ихъ великаго учителя, и русское движеніе на востокъ чрезъ Закамскій край ими направляется съ той безустанностью, которую представляетъ эпоха преобразователя.

Безъ сомнѣнія, эти люди подготовили почву для совершенія великихъ дѣлъ за Ураломъ и въ Закавказьи русскими же, на нашихъ глазахъ, по указаніямъ Великаго преобразователя Россіи текущаго столѣтія, Императора Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича.

Что на этомъ пути сдѣлалъ Н. И. Неплюевъ? Что онъ исполнилъ въ государственной программѣ Петра В., касавшейся вопроса о движеніи русскомъ на востокъ чрезъ Закамскій край? Примѣнилъ ли онъ къ дѣлу идеи о безкорыстномъ и просвѣщенномъ служеніи отечеству, о нравственномъ долгѣ, справедливости и гражданской честности, которыя тотъ лично преподалъ ему еще во время его молодости?

Въ настоящемъ нашемъ собраніи Вы, Мм. Гг., получите отвѣты на эти вопросы въ сообщеніяхъ, которыя теперь будутъ предложены Вашему вниманію.

Н. Ѳирсовъ.

И. И. НЕПЛЮЕВЪ.

Мм. Гг.! Обычай прославлять подвиги своихъ соотечественниковъ, особеннно подвиги необыкновенные, составляетъ благороднѣйшую черту характера культурныхъ народовъ. Россія также не забываетъ своихъ честныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ на нивѣ ея прогрессивнаго развитія; но въ Россіи, какъ государствѣ монархическомъ, общенародность доступна болѣе великимъ военнымъ талантамъ и первоклассньмъ писателямъ.

Не такъ счастливы въ этомъ отношеніи люди ученые, выдающіеся администраторы и государственные дѣятели. Иногда проходятъ цѣлыя столѣтія, пока не всплыветъ на поверхность исторической науки изъ глубины архивовъ какая-либо высокоталантливая и гумманнѣйшая личность забытаго государственнаго дѣятеля или кабинетнаго ученаго. Къ числу такихъ малоизвѣстныхъ обществу лицъ принадлежитъ и организаторъ обширнаго Оренбургскаго края, И. И. Неплюевъ, съ жизнію и дѣятельностью котораго знакомы очень немногіе.

Ровно 20 л. тому назадъ (11 ноября 1873 г.) Оренбургскій край молился объ упокоеніи много трудившейся души своего устроителя, по случаю столѣтія со дня его кончины, и тогда же было положено построить въ Оренбургѣ новый каѳед-

ральный соборъ на Караванъ-Сарайской площади, который теперь и воздвигается, обѣщая быть лучшимъ украшеніемъ основаннаго и застроеннаго Неплюевымъ г. Оренбурга. Нынѣ 5 ноября, въ 89-ю годовщину Казан. Университета исполнилось 200 л. со дня рожденія Неплюева и 150 л. существованія г. Оренбурга. Оренбургская Городская Дума въ общемъ собраніи 14 октября, между прочимъ, постановила ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи повсемѣстной подписки на сооруженіе памятника И. И. Неплюеву, какъ основателю Оренбурга и организатору обширнаго Оренбургскаго края, простиравшагося при Неплюевѣ отъ средней Волги до Аральскаго моря—въ одну сторону и отъ Екатеринбурга до Каспійскаго моря—въ другую. Памятникъ предполагается бронзовый на каменномъ пьедесталѣ; мѣстомъ для его постановки избрана Караванъ-Сарайская площадь, гдѣ находится Неплюевскій кадетскій корпусъ, основанный 2 января 1825 г., по иниціативѣ князя Г. С. Волконскаго, одного изъ преемниковъ Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Импер. Каз. Университетѣ, высоко цѣня политическую, административную, колонизаціонную и финансовую многоплодную дѣятельность Неплюева въ Закамскомъ краѣ, пожелало сегодня почтить добрую память усопшаго труженика и выдающагося государственнаго дѣятеля. Помолившись въ храмѣ Божіемъ, за упокой души И. И. Неплюева, мы, Гг. сочлены, собрались сюда, чтобы воздать достойному должное.

Я не буду утруждать вашего благосклоннаго вниманія подробностями о жизни и дѣятельности И. И. Неплюева: желающіе ознакомиться съ ними могутъ найти ихъ въ моей монографіи о Неплюевѣ, первые три выпуска которой уже вышли въ свѣтъ и находятся въ книжныхъ магазинахъ Казани и др. городовъ. Въ настоящее время я сообщу вашему вниманію только краткія біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. И. Неплюева.

Родъ Неплюевыхъ происходитъ отъ одного родоначальника съ царствующимъ на Руси домомъ Романовыхъ, именно отъ боярина Андрея Ивановича Кобылы, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1347 годомъ.

И. И. Неплюевъ родился 5 ноября 1693 г. въ воскресенье, въ 7 ч. пополуночи, въ усадьбѣ Наволокъ Новгородской области. Когда ему почти исполнилось семь лѣтъ, отецъ, оставивъ его съ матерью, отправился подъ Нарву, въ составъ расположеннаго тамъ войска. Въ сраженіи подъ Нарвой, взятой Карломъ XII, И. Н. Неплюевъ былъ раненъ и больной, въ глубокую осень, вернулся въ свою усадьбу. Съ этого времени онъ почти постоянно былъ боленъ и не покидалъ своей семьи до самой кончины. Болѣзненный видъ израненнаго и потому раздражительнаго отца, кроткій и любящій взоръ матери, не имѣвшей другихъ дѣтей, сообщили ихъ сыну какую-то тихую грусть и ту безропотную покорность Промыслу Божію, которая впослѣдствіи охраняла Неплюева въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты и тяжелые дни жизни отъ ропота и отчаянія.

На 16 г. Неплюевъ лишился своего отца: Иванъ Никитичъ, страдавшій отъ ранъ, скончался 10 Іюля 1709 г. на 38 г. своей жизни. Не прошло и двухъ съ половиною лѣтъ послѣ его смерти, какъ И. И., по волѣ матери, женился на внучкѣ новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Татищевой; бракъ былъ совершенъ 11 сентября 1711 г. Такимъ образомъ, не имѣя еще и 18 л., Неплюевъ сдѣлался женатымъ помѣщикомъ, у котораго было 30 душъ родовыхъ и 20 душъ, полученныхъ имъ за женой. Молодые поселились въ Поддубьѣ Новгородскаго уѣзда (нынѣ въ Лужскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи). Здѣсь 19 августа 1712 г. у Неплюевыхъ родился сынъ Адріанъ, а въ ноябрѣ 1713 г., т. е. черезъ два года послѣ свадьбы, Неплюевъ оставляетъ жену и сына при матери, въ Поддубьѣ, а самъ удаляется „по обѣщанію“ на богомолье въ какой-то монастырь. Въ мартѣ 1715 г. Неплюевъ возвратился въ Поддубье, гдѣ оста-

валась его семья; это путешествіе Неплюева въ монастырь, при добровольной разлукѣ съ молодой женой въ теченіе 14 мѣс., можетъ служить однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ религіознаго направленія въ Неплюевѣ, развитаго въ немъ любящей и умной матерью. Исполняя свой благочестивый обѣтъ, онъ какъ-бы приготовлялся духовно къ той многотрудной и многополезной дѣятельности, которая ожидала его впереди.

Вскорѣ по возвращеніи Неплюева изъ монастыря, въ Новгородъ прибылъ князь Меньшиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ. 24 Марта имъ произведенъ былъ смотръ; одни были опредѣлены на службу, другіе записаны въ школы; Неплюевъ оказался въ числѣ послѣднихъ. Меньшиковъ записалъ его въ новгородскую математическую школу, не смотря на то, что у Неплюева была на рукахъ семья: мать, жена и двое дѣтей. Съ этого времени для Неплюева начинается совершенно иная, новая жизнь. Мать Неплюева, потрясенная столь неожиданнымъ обстоятельствомъ, заболѣла и 4 мая того же года скончалась на 42 г. жизни. Похоронивъ свою мать, Неплюевъ отправился въ новгородскую школу и усердно принялся за ученье; въ іюнѣ того же года онъ, въ числѣ другихъ 84 учениковъ, былъ переведенъ въ нарвскую навигаціонную школу, а черезъ три мѣсяца былъ принятъ въ С.-Петербургскую Морскую академію, открытую 1 октября 1715 г. и помѣщавшуюся первоначально въ домѣ Кикина на берегу Невы, гдѣ находится теперь Императорскій Зимній дворецъ. Находясь въ академіи, Неплюевъ имѣлъ неоднократные случаи видѣть и слышать Петра Великаго и съ этого времени сталъ питать къ нему то глубокое уваженіе, которое сохранилъ во всю жизнь.

Непосредственное вліяніе Петра на учениковъ академіи имѣло весьма важное значеніе; благодаря этому вліянію, не смотря на плохой строй самой академіи, изъ стѣнъ ея выходили такіе замѣчательные дѣятели и люди, какъ В. Н. Татищевъ, И. И. Неплюевъ, Семенъ Ив. Мордвиновъ и др. Царь любилъ и часто посѣщалъ Морскую академію, бесѣдовалъ съ

учителями и учениками и слѣдилъ за успѣхами послѣднихъ. Здѣсь на листкахъ простой бумаги онъ набрасывалъ свои замѣтки и указанія, поражающія глубиною ума и разносторонностью знаній. Впослѣдствіи изъ этихъ царскихъ листковъ составилась цѣлая книжка, которая доселѣ хранится въ Адмиралтействѣ, какъ святыня.

Заботясь о насажденіи въ русскихъ школахъ практическихъ знаній, вызываемыхъ потребностями государства, Петръ Великій старался отправлять за границу болѣе даровитыхъ изъ молодыхъ дворянъ, гдѣ одни должны были учиться архитектурному искусству, другіе—инженерному, третьи—горнозаводскому дѣлу и т. п. Широкой, вполнѣ русской, натурѣ Петра было тѣсно на многоводныхъ тогда русскихъ рѣкахъ; ему мало было Бѣлаго моря и Каспія и потому онъ простиралъ могучія свои руки къ Балтійскому и Черному морямъ. По волѣ Петра началось новое въ Россіи дѣло: строеніе кораблей, галеръ и другихъ судовъ, для чего потребовались не только технически-образованные люди, карабельные мастера, но и опытные моряки, которые бы могли управлять галерами и другими судами. Съ этою цѣлію Петръ учредилъ званіе гардемарина, опредѣливъ его съ свойственною ему лаконичностью такъ: „въ бою какъ солдатъ, въ ходу какъ матросъ". Гардемарины на корабляхъ исполняли всѣ матросскія обязанности, носили матросскій костюмъ и получали помѣсячно паекъ на продовольствіе. И. И. Неплюевъ также записанъ былъ въ гардемарины въ Ревельскій флотъ. Въ 1716 г. Неплюевъ, въ числѣ другихъ 30 чел., отправился по волѣ Государя, въ Венецію, куда онъ прибылъ въ февралѣ 1717 года. Съ іюня 1717 г. по декабрь 1718 г. Венеціанская республика вела войну съ Турціей, и нашимъ гардемаринамъ, участвовавшимъ съ этой войнѣ, удалось оказать „существенный куражъ въ въ карабельной баталіи" венеціанскаго флота съ турецкимъ, бывшей 19 Іюля 1717 г. въ портѣ Паганія, въ заливѣ Елеусъ, а также при взятіи фортовъ Привезы и Вонницы и при осадѣ венеціанцами города Дульцина. Неплюевъ особенно отличился

при этомъ и „показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ“. Въ началѣ 1719 г. прекратилась война венеціанцевъ съ турками, а въ апрѣлѣ того же года гардемарины, по волѣ Государя, должны были отправиться въ Испанію, чтобы продолжать тамъ свою службу на галерахъ. По прибытіи въ Кадиксъ они поступили въ Королевскую академію, основанную по проэкту кардинала Альберони, а не во флотъ, находившійся въ то время въ Сициліи. Безплодна и тяжела была жизнь нашихъ гардемариновъ въ Кадиксѣ. Въ Венеціи они были заняты дѣйствительной и, притомъ, боевой службой и, кромѣ того, тамъ они слышали людей, говорившихъ на славянскомъ нарѣчіи, а здѣсь люди боевого дѣла должны были тратить силы и время на фехтованье, на разные прыжки и „па“ въ танцахъ. Отсутствіе благородныхъ развлеченій для молодыхъ людей, незнаніе ими испанскаго языка, на которомъ велось преподаваніе математики и артиллеріи, запрещеніе сходиться вмѣстѣ внѣ академіи, недостатокъ средствъ,—все это сильно подавляло духовную дѣятельность гардемариновъ, такъ что одинъ изъ нихъ, Иванъ Арбузовъ, сошелъ съ ума, а 24 августа скончался князь Алексѣй Бѣлосельскій. У постели умирающаго товарища наши гардемарины написали горькую, слезную просьбу о дозволеніи возвратиться имъ въ Россію, „понеже (писали они) танцованіе и шпажное ученіе къ интересу Его Величества не въ пользу“. Не трудно представить себѣ радость гардемариновъ, когда они узнали, что имъ позволено было возвратиться въ отечество, котораго они не видали уже 5 лѣтъ. Въ мартѣ 1720 г. гардемарины были въ Амстердамѣ, а 22 мая того же года прибыли въ Петербургъ. Заграничное пятилѣтнее путешествіе стоило Неплюеву 1000 р.: „во весь войяжъ“,—замѣчаетъ онъ въ Запискахъ,—„издержалъ я собственныхъ 400 р., да государевыхъ 600 р.“.

По возвращеніи въ Россію, Неплюевъ встрѣтилъ у всѣхъ самый радушный пріемъ: генералъ-адмиралъ, графъ Апраксинъ принялъ его, какъ отецъ сына послѣ долгой разлуки; но особенную ласковость, вниманіе и радушіе оказалъ Неплюеву

графъ Григор. Петр. Чернышевъ, знавшій его еще по Морской академіи. 30 іюня гардемаринамъ было объявлено, чтобы они явились на слѣдующій день въ Адмиралтейскую Коллегію на экзаменъ. Не было еще и 8 часовъ, когда Неплюевъ пришелъ въ Коллегію; въ 8 ч. прибылъ на экзаменъ и самъ Государь. Начался экзаменъ. Когда очередь дошла до Неплюева, Государь спросилъ его: „всему-ли ты научился, для чего былъ посланъ?“ — „Всемилостивѣйшій Государь!“ отвѣтилъ Неплюевъ: „прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ Вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, Вашея ко мнѣ щедроты“. Неплюевъ упалъ при этомъ на колѣни; Петръ позволилъ ему поцѣловать свою руку и сказалъ слѣдующія глубоко-знаменательныя слова: „видишь, братецъ, я и Царь, да у меня—на рукахъ мозоли, а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ и, хотя-бъ подъ старость, видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Неплюевъ, преисполненный чувства глубокаго уваженія къ вѣнценосному работнику, схватилъ его мозолистыя царскія руки и осыпалъ ихъ горячими поцѣлуями. „Встань, братецъ!“ сказалъ ему Государь: „и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй! буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи“. Ободренный самимъ Царемъ, Неплюевъ отвѣчалъ бойко и дѣльно. Тогда Государь, обратившись къ флагшаку Змаевичу, производившему экзаменъ, сказалъ: „распрашивай его о высшихъ знаніяхъ!“—Змаевичъ предложилъ Неплюеву нѣсколько вопросовъ изъ математики. „Милостивое одобреніе“,—говоритъ Неплюевъ въ своихъ Запискахъ,—„сдѣлало меня не робкимъ, и я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно“. Государь остался доволенъ отвѣтами Неплюева и тутъ же пожаловалъ его чиномъ лейтенанта морскаго галернаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ Неплюеву состоять при своей особѣ и назначилъ его главнымъ смотрителемъ и командиромъ надъ всѣми морскими судами, строющимися въ Петербургѣ,—должность въ то время весьма видная и отвѣтствен-

ная. Петръ отечески полюбилъ умнаго, въ высшей степени трудолюбиваго и симпатичнаго Неплюева и говорилъ о немъ: „въ этомъ маломъ путь будетъ“!

Дѣствительно, Неплюевъ краснорѣчиво доказалъ всей своей жизнью необыкновенную способность Петра угадывать людей. Въ своихъ „Запискахъ“ Неплюевъ приводитъ слово въ слово нѣсколько разговоровъ съ Петромъ. Какая простота въ каждомъ словѣ Императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое теплое чувство любви къ родинѣ, какая отеческая заботливость даже о самыхъ незначительныхъ интересахъ послѣдняго изъ его подданныхъ!—Зная, что Петръ не любилъ лжи, Неплюевъ всегда старался говорить правду, чѣмъ еще больше расположилъ къ себѣ Государя. Вотъ, между прочимъ, что онъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Однажды я пришелъ на работу, а Государь уже прежде пріѣхалъ. Я испугался и хотѣлъ бѣжать домой,—больнымъ сказаться; но потомъ вспомнилъ, что Государь не любилъ неправды, пошелъ къ мѣсту, гдѣ онъ находился.—Государь сказалъ мнѣ: „я уже, мой другъ, здѣсь!“—„Виноватъ, Государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся, и оттого опоздалъ!“ отвѣчалъ сконфуженный Неплюевъ. Петръ взялъ его за плечо такъ крѣпко, что Неплюевъ вздрогнулъ, зная отеческія мѣры Петра; но Петръ весело и ободряюще сказалъ: „спасибо, малый, что говоришь правду,—Богъ проститъ! Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?—Вчера ты былъ въ гостяхъ, а теперь поѣдемъ со мной на родины“!—Неплюевъ почтительно поклонился и, ставъ, по приказанію Государя, на задокъ его одноколки, чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ домѣ одного изъ плотниковъ своей команды. Войдя въ домъ, Государь поцѣловалъ роженицу и далъ ей 5 гривенъ. Неплюевъ, остановившійся у двери, получилъ приглашеніе сдѣлать то же. Цѣлуя мать новорожденнаго, Неплюевъ далъ ей на зубокъ гривну. „Что далъ поручикъ?“ спросилъ Государь роженицу; она показала полученную ею гривну. „Э, братъ, я вижу, ты даришь по заморски“, сказалъ съ улыбкой Государь.—„Нечѣмъ мнѣ, Царь-Государь, дарить много“,—

отвѣчалъ Неплюевъ: „дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда-бы не Ваше Царское жалованье, то-бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего!“—Въ это время входитъ хозяинъ съ деревянной тарелкой въ рукахъ, на которой была рюмка водки, и подноситъ государю. Петръ выпилъ за здоровье роженицы и закусилъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ. Затѣмъ радушный хозяинъ поднесъ и своему командиру; Неплюевъ, по его выраженію: „отъ роду не пившій горячаго вина“, отказался. Петръ, видя это, ласково сказалъ: „откушай, братецъ, сколько можешь, не обижай хозяина!“—Неплюевъ выпилъ, а Государь, отломивъ и подавая ему кусокъ пирога съ морковью, промолвилъ: „заѣшь! это родимая, а не итальянская пища“.

Такъ отечески-просты были отношенія Государя къ его любимцу. Не прошло и году, по возвращеніи Неплюева изъ-за границы, какъ ему опять надолго пришлось оставить Россію. Императоръ искалъ человѣка, который могъ-бы занять постъ резидента при Константинопольскомъ дворѣ, и выборъ его, къ удивленію всѣхъ богатыхъ и знатныхъ, палъ на бѣдняка Неплюева, не смотря на то, что ему въ это время было всего 27 лѣтъ отъ роду. Когда Неплюевъ упалъ въ ноги Государю и началъ выражать волновавшія его чувства, называя Петра своимъ отцемъ, Государь сказалъ: „не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ: ибо Богъ отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрой и правдой. Вначалѣ Богъ, а при Немъ и я долженъ буду не оставить“. Неплюеву было назначено 3000 р. въ годъ жалованья и велѣно выдать 1000 р. подъемныхъ. 25 февраля 1721 г. онъ получилъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о назначеніи его на постъ резидента въ Константинополь, а на слѣдующій день ему вручена инструкція и дана прощальная аудіенція у Государя.

Петръ принялъ своего любимца весьма ласково, сдѣлалъ ему нужныя наставленія и, благословляя въ далекій путь, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: „Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!"—Неплюевъ сильно былъ растроганъ этой разлукой, какъ будто кто ему подсказалъ, что онъ болѣе уже не увидитъ Петра. 9 марта Неплюевъ покинулъ Петербургъ и отправился въ Поддубье, гдѣ пробылъ только два дня. Оставивъ здѣсь жену съ малолѣтними дѣтьми, онъ съ старшимъ сыномъ Адріаномъ, которому было около 9 лѣтъ, чрезъ Москву отправился въ Константинополь, куда прибылъ 8 сентября того же года, а 17 сентября былъ принятъ султаномъ Ахметомъ III.

Я не буду останавливаться на дипломатической дѣятельности Неплюева въ Константинополѣ, а только замѣчу, что дружба Россіи съ Турціей въ теченіе 14 л., пока Неплюевъ былъ Константинопольскимъ резидентомъ, не прерывалась. Настойчивость, съ какой всегда дѣйствовалъ Неплюевъ, отстаивая русскіе интересы, казалась иногда просто упрямствомъ для турокъ, пытавшихся даже отравить его. Но ловкій и находчивый дипломатъ, не щадя ни силъ, ни здоровья, зналъ все, что нужно было знать въ его положеніи. Трудолюбіе его было изумительно; весь служебный персоналъ его состоялъ только изъ секретаря и переводчика. Шифрованныя депеши Неплюева цифрами представляютъ, такъ сказать, цѣлую фотографію жизни Неплюева въ Константинополѣ, не исключая и ея мелочей. Не смотря на интриги французскаго посла, Неплюевъ успѣлъ расположить къ себѣ и султана Ахмета, который не могъ нахвалиться имъ, и верховнаго визиря Ибрагима-пашу, подарившаго Неплюеву соболью шубу и лошадь съ уборомъ. Благодаря дипломатической дѣятельности Неплюева и его энергіи, 27 іюня 1724 г. былъ заключенъ мирный договоръ съ Турціей, по которому Россія получила право на владѣніе мѣстами, лежащими на западномъ берегу Каспійскаго моря со всѣми дистриктами и окрестностями Дербента, Баку, Гиляни, Мазандерана, и Астрабада до р. Оссы. Въ воздаяніе заслугъ Неплюева, Петръ Великій наградилъ его чиномъ морскаго капитана 1 ран-

га и 400 душъ крестьянъ въ Устюжско-Желѣзопольскомъ уѣздѣ; женѣ и дѣтямъ Неплюева приказано производить выдачу полнаго жалованья, по его чину, изъ Адмиралтейской Коллегіи, а старшему сыну Адріану, находившемуся въ Голландіи, повелѣно выдавать по 300 р. въ годъ съ обязательствомъ, чтобы онъ обучался математикѣ и другимъ наукамъ, для чего Неплюевъ собственно и отправилъ его съ дядькой еще раньше въ Амстердамъ.

Такимъ образомъ, какъ оказалось, дальновидный Императоръ не ошибся, назначивъ Неплюева резидентомъ въ Константинополь: Неплюевъ не только хорошо понималъ планы Преобразователя, но и умѣлъ энергично выполнять ихъ. Идея вѣрнаго и полезнаго служенія отечеству, которую выражалъ Петръ, нашли въ Неплюевѣ благотворную почву. Петръ былъ для Неплюева идеаломъ государственнаго служенія и любви къ отечеству; онъ питалъ къ Государю и личную привязанность. Послѣ этого легко себѣ представить, какъ сильно должна была поразить Неплюева неожиданная вѣсть о кончинѣ Петра. Вотъ что говоритъ объ этомъ Неплюевъ въ своихъ Запискахъ: „1725 г. въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что Отецъ Отечества, Императоръ Петръ I, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ Государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ и, ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей Монархъ Отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди,—однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что-бы впредъ не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ, а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ Государь и отецъ милосердый. Да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!“—Неплюевъ и послѣ, во всю жизнь, не могъ говорить о Петрѣ Великомъ безъ слезъ. Голиковъ передаетъ, что, когда онъ просилъ Неплюева разсказать что-либо о Петрѣ, то Неплюевъ обыкновенно

замѣчалъ при этомъ: „Эвося, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ“!

Преемники Петра Великаго также цѣнили Неплюева и оказывали ему свое вниманіе. Такъ, когда въ 1727 г. Неплюевъ попросилъ Императрицу Екатерину I отпустить его жену въ Константинополь, то Государыня, охотно согласившись на просьбу Неплюева, подарила его женѣ 500 р. на дорогу, дала въ провожатые лейтенанта флота В. И. Татищева и прапорщика Наковальнина и приказала отправить ее до Кіева на казенный счетъ. Когда Ѳедосья Ѳеодоровна, жена Неплюева, находилась еще въ пути, въ Великомъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ о пожалованіи Неплюеву новаго имѣнья Поръ въ Устюжскомъ уѣздѣ, согласно волѣ Императора Петра II. Въ 1728 г. Неплюевъ получилъ чинъ капитанъ-командира галернаго флота; а 2 декабря 1730 г.—чинъ шаубенахта или контръ-адмирала флота „за долговременное при дворѣ Турскомъ пребываніе,—какъ сказано въ указѣ“; „и прилежную и усердную тамъ въ интересахъ нашихъ службу“. Всегда недомогающій Неплюевъ, начиная съ 1725 г., не разъ просилъ объ отозваніи его изъ Константинополя, но его цѣнили и потому не отзывали. Наконецъ здоровье Неплюева разстроилось до того, что медики отказались лѣчить его. „По сей причинѣ“, говоритъ Неплюевъ,—„принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться, и на свое мѣсто именемъ Ея Величества окредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что учинено мною 30 декабря 1734 г., почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію“. Упомянутый Вешняковъ раньше былъ консуломъ въ Испаніи, откуда и переѣхалъ въ Константинополь около 1732 г., причемъ ему было предписано учиться у Неплюева, какъ дѣйствовать и какъ писать. Неплюевъ проводилъ впередъ свое семейство съ чрезвычайнымъ посланникомъ при Константинопольскомъ дворѣ, княземъ А. И. Щербатовымъ, а затѣмъ, спустя уже два года, и самъ оставилъ Константинополь это, по его мѣткому выраженію „осиное гнѣздо“, и отправился въ Россію.

Не доѣзжая столицы, онъ, по распоряженію правительства, долженъ былъ прожить нѣкоторое время въ Кіевѣ для тайныхъ сношеній съ нашими конфидентами: валахами и южными славянами, и только въ исходѣ 1735 г. прибылъ въ Петербургъ, а 30 января 1736 года состоялся Высочайшій указъ о пожалованіи Неплюева въ тайные совѣтники; 25 марта того же года Неплюевъ былъ зачисленъ въ составъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ окладомъ жалованья въ 2264 р. 84½ коп. въ годъ.

Вскорѣ началась война Россіи съ Турціей изъ-за кандидата на польскій престолъ: Франція желала видѣть на польскомъ престолѣ Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV, а Россія была за саксонскаго курфирста Августа III, союзника Австріи. Выигравъ дѣло, Россія должна была начать войну съ Турціей. Не смотря на успѣхи русскаго оружія, война эта была весьма невыгодной для Россіи по своимъ послѣдствіямъ. Начались переговоры въ Немировѣ, и Неплюевъ назначенъ былъ полномочнымъ министромъ на Немировскій конгрессъ, въ сообществѣ барона Шафирова и оберъ-егеймейстера А. П. Волынскаго; но въ Немировѣ не состоялось мира и конгрессъ кончился ничѣмъ. Шафирову и Волынскому было предписано возвратиться въ Петербургъ, а Неплюеву велѣло поселиться въ Кіевѣ и смотрѣть за дѣлами по заграничной корреспонденціи.

Между тѣмъ Волынскій, занявшій съ 3 апрѣля 1738 г. постъ кабинетъ-министра, стараясь угодить Бирону, направилъ дѣло такъ, что всѣ переговоры съ Турціей кончились постыднымъ для Россіи Бѣлградскимъ миромъ, заключеннымъ Австріей 18 сентября 1739 г., а Волынскій за попраніе интересовъ Россіи, въ угоду Бирону, получилъ 20000 р. въ награду. 3 Марта 1740 г. Неплюевъ былъ назначенъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ и коммиссаромъ по разграниченію земель между Россіей и Турціей по рр. Бугу и Днѣпру. Лѣтомъ того же года Неплюеву, по волѣ Остермана, пришлось быть слѣдователемъ по дѣлу кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, о чемъ

Неплюевъ совершенно умалчиваетъ въ своихъ Запискахъ: вѣроятно непріятно и тяжело было для него воспоминаніе объ этомъ кровавомъ дѣлѣ, въ которомъ, къ величайшему сожалѣнію, и онъ былъ вынужденъ принять участіе. Я не буду входить въ подробности этого процесса, а рекомендую желающимъ ознакомиться съ ними прочитать IV гл. моей монографіи о Неплюевѣ; въ настоящее время замѣчу только, что покойный Е. И. Карловичъ въ своемъ сочиненіи „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи" совершенно несправедливо упрекаетъ Неплюева въ присвоеніи имъ конфискованныхъ у Волынскаго имѣній: ихъ раздѣлили по себѣ другіе; доказательства этого желающіе найдутъ въ моей книгѣ.

По окончаніи суда надъ Волынскимъ, Неплюевъ долженъ былъ отправиться на Днѣпръ для окончанія порученнаго ему дѣла о разграниченіи земель между Россіей и Турціей по рр. Бугу и Днѣпру, и съ успѣхомъ выполнилъ это дѣло. 4 декабря 1740 г. скончалась жена Неплюева Өедосья Өедоровна на 46 г. отъ роду и была погребена въ Кіевѣ, подъ Өеодосіевыми пещерами внутри церкви, у землянаго вала. И. И. Неплюевъ имѣлъ отъ нея 6 человѣкъ дѣтей, а не двоихъ, какъ говоритъ кн. Долгоруковъ, а именно три сына (Адріана, Ивана и Николая) и три дочери (Марію, Марөу и Анну); изъ нихъ сынъ Иванъ умеръ 7 л. въ Поддубьѣ и дочь Марөа тамъ же, вскорѣ послѣ рожденія.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Неплюевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, для переговоровъ съ турецкомъ посломъ, и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и 2000 крестьянскихъ душъ въ Малороссіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ надъ всей Малороссіей и долженъ былъ снова оставить Петербургъ. Въ это время при Русскомъ дворѣ блистали своей красотой, умомъ и рѣдкимъ по тому времени образованіемъ фрейлины Александра Ивановна и Анна Ивановна Панины, родныя сестры графовъ П. и Н. И. Паниныхъ. Обѣ сестры были украшеніемъ Двора, а братья играли весьма видную роль въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Але-

ксандра Ивановна Панина вышла за князя А. Б. Куракина, бывшаго сначала посланникомъ въ Парижѣ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ Двора, а Анна Ивановна 7 окт. 1741 г. повѣнчалась съ И. И. Неплюевымъ и отправилась съ нимъ въ Малороссію. Неплюеву въ это время было 47 л., а его молодой женѣ 23 года.

Не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, И. И. Неплюевъ легко могъ разсчитывать на расположеніе къ себѣ красавицы фрейлины: высокій, стройный блондинъ, съ прекрасными голубыми глазами и чрезвычайно тонкими чертами лица, Неплюевъ особенно располагалъ къ себѣ спокойнымъ и добрымъ выраженіемъ своего въ высшей степени умнаго и симпатичнаго лица; кромѣ того, молодой фрейлинѣ могло льстить высокое положеніе Неплюева и его заслуги отечеству.

И. И. Неплюевъ прибылъ въ Глуховъ 30 октября и поселился съ своей молодой женой въ гетманскомъ дворцѣ. Дѣти Неплюева только здѣсь познакомились съ своей мачихой, которая на 3 года была моложе старшей дочери своего мужа. Въ началѣ ноября Неплюевъ принималъ различныхъ начальниковъ и представителей Малороссійскаго казачьяго войска. Пріемы служащихъ и знакомыхъ, поздравленія, семейные обѣды и вечера весело смѣняли другъ друга; счастливые супруги и не подозрѣвали того испытанія, которое ожидало ихъ впереди. Съ 24 на 25 ноября 1741 г. въ Петербургѣ произошелъ дворцовый переворотъ: младенецъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ былъ низверженъ и корона, при помощи гвардіи, досталась дочери Петра, Елизаветѣ Петровнѣ; Остерманъ и др. лица, нежелавшія видѣть на русскомъ тронѣ Елизавету Петровну, были арестованы и преданы суду, а 3 декабря, рано утромъ, прискакалъ въ Глуховъ генералъ-пригсъ-коммиссаръ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и объявилъ Неплюеву, что онъ, по Высочайшему приказанію, отрѣшается отъ всѣхъ должностей и подъ арестомъ долженъ отправиться въ Петербургъ.

Въ Москвѣ Неплюевъ узналъ, что причиною немилости къ нему новой Императрицы послужила дружба его съ Остер-

маномъ, который намѣревался заключить Елизавету Петровну въ монастырь и былъ уже приговоренъ къ смертной казни. По прибытіи Неплюева въ Петербургъ, его лишили ордена Св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень и до окончанія слѣдствія надъ Остерманомъ приказали содержать подъ арестомъ. Эта совершенно неожиданная опала не столько потрясла самого Неплюева, сколько его молодую жену; но послѣдствію Неплюевъ былъ признанъ невиннымъ въ замыслахъ Остермана. Въ началѣ 1742 г. ему было приказано явиться въ Дворецъ. Императрица обошлась съ нимъ привѣтливо и возвратила ему орденъ Св. Александра Невскаго, возложивъ его на невинно-осужденнаго собственноручно, когда она проходила въ домовую церковь, предъ которой Неплюевъ долженъ былъ ожидать ее, стоя на колѣняхъ; но малороссійскія деревни не были возвращены Неплюеву, а остались въ казнѣ и послѣ были подарены графу К. Г. Разумовскому.

Не смотря на это, Неплюевъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и незлобіемъ отнесся къ своему положенію: „увидавъ дщерь Государя",—говоритъ онъ въ Запискахъ,—„много обожаемаго къ славѣ, ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и Государя Петра Перваго, я такъ обрадовался, что забылъ и все минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ почивающаго родителя".

Вскорѣ Неплюевъ былъ приглашенъ въ Сенатъ, гдѣ ему вручили указъ о назначеніи его командиромъ Оренбургской Коммиссіи, переименованной при Неплюевѣ въ Оренбургскую губернію. Въ силу этого указа Неплюевъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство башкирскій край: обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 в.; обуздать грабежи киргизъ-кайсаковъ и другихъ степныхъ хищниковъ, и распространить торговлю съ Средней Азіей. Для Неплюева, занимавшаго предъ тѣмъ важныя государственныя должности, это назначеніе было замаскированною ссылкою; такъ взглянулъ на свое новое положеніе и самъ Неплюевъ, того же мнѣнія

были друзья и родственники Неплюева, проводившіе его съ горькими слезами. Но Неплюевъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и слишкомъ возвышенной души, чтобы унывать, и отправился въ Оренбургъ, по его выраженію: „съ спокойнымъ по невинности духомъ". Не такъ должно было подѣйствовать это назначеніе на его молодую жену, привыкшую къ блеску и пышности Двора и къ разнообразнымъ развлеченіямъ столичной жизни, имѣющимъ особенную цѣну и прелесть для молодой, красивой женщины. Анна Ивановна просто была въ отчаяніи. Неплюевъ замѣчаетъ относительно этого слѣдующее: „въ несчастіе такое приведенная жена моя съ самаго сего дня повергласъ въ такое уныніе, что отъ того никакимъ совѣтомъ ее извлечь я не могъ, отчего и почувствовала она тяжкіе болѣзненные припадки".

Опредѣливъ сына Николая въ кадетскій корпусъ, Неплюевъ, въ сообществѣ жены и 9 л. дочери Анны Ивановны, отправился весной 1742 г. къ новому мѣсту служенія и 24 апрѣля прибылъ въ Самару, гдѣ тогда жили главные командиры Оренбургскаго края. Много труда, разныхъ заботъ и хлопотъ ожидало здѣсь Неплюева. Въ составъ Оренбургскаго края тогда входили, кромѣ нынѣшней Оренбургской губерніи, еще губерніи: Уфимская, частію Симбирская, Самарская, часть Астраханской, Казанской, Пермской и Вятской, земля Уральскаго казачьяго войска и киргизъ-кайсацкія степи, такъ что окружность всего края равнялась 5½ т. верстъ. На обширномъ пространствѣ этого края издавна сходились, враждовали, мирились и перемѣшивались разныя инородческія племена, уступая постепенно господство надъ краемъ русскимъ. Но дорогой цѣной купила себѣ Оренбургскій край коренная Россія,—цѣною крови многихъ тысячъ людей, забутившихъ своими костями землю этого края и полившихъ ее кровью; много, очень много было пролито здѣсь русской и башкирской крови, прежде чѣмъ русскіе окончательно завладѣли этимъ краемъ.

Болѣе 200 л., съ незначительныти перерывами, продолжалось здѣсь борьба русскихъ съ башкирцами, которыхъ счи-

таютъ древнѣйшими обитателями Оренбургскаго края. Многіе храбрые башкирцы, какъ Сеитъ, Кусюмъ, Кильмякъ-Абызъ, Юсупъ, Карабашъ и др. легли головами за свою независимость въ борьбѣ съ русскими; многіе были преданы смертной казни.— Начиная съ 1735 г. по 1740 г., когда Оренбургскимъ краемъ управляли одинъ за другимъ И. К. Кирилловъ, В. Н. Татищевъ и князь В. А. Урусовъ,—въ эти 6 лѣтъ казнено и убито въ сраженіяхъ болѣе 9 т. чел., однихъ башкиръ болѣе 3 т. ч. сослано въ каторгу; роздано свыше 6 т. башкирскихъ женъ и дѣтей помѣщикамъ; сожжено около 400 башкирскихъ деревень, и взято въ штрафъ лошадей и рогатаго скота болѣе 17 тысячъ головъ. Озлобленные башкиры и помогавшіе имъ въ борьбѣ съ русскими киргизы, короламгани и др. инородцы, въ свою очередь, безпощадно мстили русскимъ: они перерѣзали въ Верхнеяицкой крѣпости всю команду; пожгли всѣ деревни около Билярска, Заинска, Старошишминска, Мензелинска и только 30 в. не дошли до Казани; селенія по рѣкамъ Самарѣ, Бѣлой и Камѣ были разграблены; церкви, дома помѣщиковъ и хлѣбъ были сожжены; крестьянъ убивали, уводили въ плѣнъ и продавали въ Хиву, Бухару и Крымъ; стариковъ и подростковъ-дѣтей сажали живыми на колья, а иныхъ давили въ заборахъ; случалось, что остервенившіеся башкирцы не давали покоя и мертвымъ: разрывали могилы русскихъ и разбрасывали тѣла и кости умершихъ по кладбищу и дорогамъ. Вотъ въ какой край былъ назначенъ И. И. Неплюевъ, было ему надъ чѣмъ подумать, не безъ причины заливалась слезами и его молодая жена! Но, къ счастью Неплюева, сильная буря уже пронеслась надъ Оренбургскимъ краемъ ко времени его пріѣзда въ Самару, а извѣстно, что и въ природѣ послѣ бури бываетъ затишье: смолкли ружейные выстрѣлы, разсѣялся пороховой дымъ и снова проглянуло красное солнышко, любовно лаская широкія степи и обогрѣвая обитателей, оставшихся въ живыхъ. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, Неплюевъ занялся устройствомъ Оренбургскаго края на его раз-

валинахъ, пепелищѣ и свѣжихъ могилахъ павшихъ въ ожесточенномъ бою людей, русскихъ и чужеродцевъ.

Дѣятельность Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ, которымъ онъ управлялъ 16 л., была такъ разностороння и обширна, что могла-бы послужить предметомъ цѣлаго университетскаго спеціальнаго курса, а потому я въ настоящее время ограничусь лишь простымъ указаніемъ на разные отдѣлы этой дѣятельности. Благодаря неусыпнымъ трудамъ и энергіи Неплюева, въ Оренбургскомъ краѣ, раньше малонаселенномъ и дикомъ, заводятся новыя слободы; обработываются нетронутыя плугомъ земледѣльца новины; строятся во многихъ мѣстахъ православные храмы; прокладываются дороги; наводятся мосты чрезъ рѣки, овраги и гати; устраивается почтовый трактъ отъ Оренбурга и Троицка до Москвы и другихъ городовъ центральной Россіи даются льготы содержателямъ разгонныхъ и почтовыхъ лошадей; изыскиваются мѣры къ безопасности торговаго караваннаго пути въ Ташкентъ, въ Хиву, Бухару и др. мѣста Средней Азіи чрезъ киргизскія степи; освобождаются тысячи плѣнныхъ изъ киргизской неволи; совершается торжественная конфирмація въ Оренбургѣ Нурали-Салтана въ киргизскіе ханы. При Неплюевѣ воздвигаются крѣпости и редуты по рѣкамъ: Сакмарѣ, Яику (Уралу), Ую, Міясу и Тоболу, съ цѣлію обороны и безопасности отъ башкирцевъ, калмыковъ, зюнгорцевъ и киргизъ; онъ же отстаиваетъ поселеніе Яицкихъ казаковъ на р. Яикѣ, вопреки мнѣнію Татищева, и вводитъ болѣе прочныя основы административнаго и военнаго устройства среди Яицкихъ (Уральскихъ) казаковъ, башкиръ, ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, нагайбаковъ и др. поселенцевъ Оренбургскаго края, пришлыхъ и туземцевъ; Неплюевъ организуетъ и Оренбургское казачье войско, составивъ для него опредѣленный штатъ. Стараясь оградить безопасность каждаго закономъ, Неплюевъ преслѣдуетъ пьянство, взяточничество и отдаетъ подъ судъ за взятки уфимскаго губернатора бригадира П. Д. Ашакова, устранивъ его отъ должности. Сознавая пользу образованія, Неплюевъ заботится объ открытіи и устрой-

ствѣ школъ для инородческаго и русскаго населенія во ввѣренномъ ему краѣ, а для крещеныхъ калмыкъ, по его почину, переводятся главнѣйшія молитвы и 10 заповѣдей на калмыцкій языкъ; по его же совѣту, Ставропольскій протоіерей о. Андрей Чубовскій обратился къ крещенымъ калмыкамъ съ проповѣдью на ихъ родномъ языкѣ. Для престарѣлыхъ и больныхъ солдатъ Неплюевъ устраиваетъ богадѣльни; осиротѣлыхъ башкирскихъ и калмыцкихъ дѣтей старается просвѣтить св. крещеніемъ, обучить грамотѣ и опредѣлить къ мѣсту. Будучи врагомъ лѣнтяевъ и дармоѣдовъ, онъ преслѣдуетъ нищихъ по ремеслу и заставляетъ ихъ работать. Въ 1743 г. Неплюевъ устраиваетъ нынѣшній Оренбургъ, укрѣпляетъ его стѣной и обводитъ рвомъ; онъ же заселяетъ и укрѣпляетъ Яицкую линію, простиравшуюся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ. Чтобы улучшить экономическій бытъ жителей Оренбургскаго края, Неплюевъ указываетъ на новые источники средствъ и доходовъ для экономическаго развитія и управленія края, при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на развитіе промышленности и торговли въ Оренбургскомъ краѣ. При немъ завязываются торговыя сношенія русскихъ съ средне-азіатскими странами и народами, дающія возможность посредствомъ сбора пошлинъ, покрывать всѣ расходы по содержанію администраціи и др. правительственныхъ функцій въ краѣ, на что прежде отпускалось до 50000 р. изъ казны. До Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ не было ни одного завода, а при немъ устраивается 13 желѣзодѣлательныхъ и 15 мѣдеплавильныхъ заводовъ, благодаря предпріимчивости и энергіи симбирскаго купца И. Б. Твердышева, братьямъ Мосоловымъ, Мясникову и др. лицамъ, которыхъ всегда старался воодушевить, поощрить и поддержать въ ихъ предпріятіяхъ Неплюевъ. Наконецъ И. И. Неплюевъ силою своего необыкновеннаго ума разстроилъ и грандіозный планъ мещерякскаго муллы Батырши Алѣева, который задумалъ поднять противъ русскихъ весь магометанскій міръ Поволжья и Прикамья, угрожая поголовной рѣзней и грабежемъ всѣмъ православнымъ: Батырша былъ пойманъ и заключенъ въ Шлиссель-

бургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ, а бунтъ башкиръ прекратился безъ пролитія русской крови.

Утомленный трудами и заботами по управленію Оренбургскимъ краемъ, Неплюевъ просилъ уволить его отъ должности. 7 января 1858 г. въ конференціи Ея Величества состоялось предложеніе Сенату о назначеніи, вмѣсто Неплюева, другаго, а вслѣдъ за тѣмъ Неплюевъ получилъ указъ объ его увольненіи по назначеніи на его мѣсто тайнаго совѣтника Давидова. Не смотря на громадныя заслуги Неплюева, онъ въ первое время, по прибытіи въ Петербургъ, какъ-бы былъ забытъ съ его старостью, истощенными силами и даже нуждой. Въ Сенатскомъ архивѣ, въ С-Петербургѣ, доселѣ хранится прошеніе Неплюева на имя Императрицы Елизаветы Петровны, изъ коего видно, что Неплюевъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не получалъ даже положеннаго ему по чину дѣйствительнаго т. с. жалованья въ теченіе почти полугода, начиная съ 1 мая, что и заставило его обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя. Въ этомъ прошеніи, между прочимъ, говорится: „Не получая жалованья, яко не богатый человѣкъ, къ содержанію по чину моему крайній недостатокъ имѣю".—Государыня приказала немедленно удовлетворить законную просьбу Неплюева. Приверженцы легкой и скорой наживы, злостные банкроты, безсердечные кулаки, хищники башкирскихъ земель, взяточники, лихоимцы и вообще поклонники золотаго тельца, по меньшей мѣрѣ, назвали-бы Неплюева Чудакомъ, который не умѣлъ воспользоваться обстоятельствами и своимъ положеніемъ для обезпеченія себя не только „къ приличному содержанію по чину", а и къ удовлетворенію всѣхъ прихотей чрезмѣрной роскоши и блестящей обстановки въ жизни. Но Неплюевъ, считавшій службу Отечеству службой Богу, трудился, по выраженію Петра Великаго, „не изъ мзды, а изъ утѣшенія совѣсти и нравственнаго служенія долгу". Заботясь объ увеличеніи доходовъ казны и торговопромышленнаго класса, а также объ экономическомъ благосостояніи крестьянъ, онъ лично довольствовался самымъ необходимымъ въ его поло-

женіи,—черта въ высшей степени благородная и симпатичная въ Неплюевѣ!

По прибытіи въ Петербургъ, Неплюевъ болѣе года оставался безъ должности, нуждаясь въ спокойствіи и отдыхѣ послѣ неимовѣрныхъ трудовъ по организаціи Оренбургскаго края. Оправившись отъ болѣзни и отдохнувъ, Неплюевъ въ 1760 г., не смотря на свои преклонные года, снова поступилъ на службу въ званіи сенатора и конференцъ-министра. Предполагая, можетъ быть, навсегда поселиться въ Петербургѣ, онъ купилъ себѣ домъ, на Сѣнной близь церкви Христа Спасителя, и сдѣлалъ къ нему значительный пристрой, но этотъ домъ скоро сгорѣлъ. Въ октябрѣ 1761 г. Неплюевъ купилъ другой домъ на Милліонной улицѣ и дачу у княгини Н. Ѳ. Долгоруковой, находившуюся въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, повыше р. Тосны, близъ пороговъ по р. Невѣ. Въ кратковременное царствованіе Петра III дѣятельность Неплюева ничѣмъ особеннымъ не проявилась: „бывалъ я (говоритъ онъ въ Запискахъ) у моея должности ежедневно, но нѣмымъ: ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ“. Екатерина Великая, вступивши на престолъ, сразу оцѣнила Неплюева и приблизила его къ себѣ. Полагаясь на его опытность и необыкновенный умъ, она поручала Неплюеву, во время своихъ отлучекъ изъ Петербурга всѣ столичныя войска въ полное его распоряженіе, вела съ нимъ частную переписку и даже ввѣряла его заботамъ и попеченію своего сына, Цесаревича Павла Петровича. Сознавая труды и заслуги Неплюева, Екатерина II наградила его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, назначила президентомъ Сенатской Конторы и положила ему сверхъ жалованья по 500 р. въ мѣсяцъ на столъ. Но не долго пришлось служить Неплюеву при Екатеринѣ Великой: силы его слабѣли, ослабѣло и зрѣніе, а потомъ онъ и совершенно ослѣпъ. Чувствуя, что онъ болѣе не можетъ служить, Неплюевъ рѣшился просить у Государыни чистую отставку. Однажды, въ Воскресенье, онъ лично явился къ Императрицѣ съ просьбой объ увольненіи его отъ службы. Когда слѣпаго старца подвели къ Государынѣ, она усадила его подлѣ

себя и, предъугадывая его намѣреніе, сказала: „Я разумѣю тебя, Иванъ Ивановичъ! ты, конечно, хочешь проситься въ отставку, но воля твоя—я прежде тебя не отставлю, пока ты не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ такими же достоинствами, съ какими ты“.—Неплюевъ, разстроганный до слезъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, Государыня, мы—ученики Петра Великаго; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако мыслятъ и инако ведутъ себя. Итакъ я могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“.—Передавая объ этомъ въ своихъ Запискахъ, Неплюевъ замѣчаетъ: „тутъ всѣ были, но мнѣ что за нужда! Я сказалъ, что чувствовалъ“.

Императрица, не смотря на свое желаніе удержать Неплюева на службѣ, приняла отъ него прошеніе, и онъ вскорѣ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, гражданскихъ и военныхъ, получивъ въ награду за вѣрную, честную, многополезную и продолжительную службу отечеству 20000 р. деньгами и нѣсколько деревень въ Малороссіи, какъ-бы въ замѣнъ отнятыхъ у него раньше, 2000 д. по дѣлу Остермана.

Послѣ этого Неплюевъ нѣсколько времени жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ. Каждый день утромъ онъ бывалъ за обѣдней въ своей домовой церкви; затѣмъ принималъ друзей и знакомыхъ; особенно часто навѣщали его графы Чернышевы и Панины, князь А. А. Вяземскій, Нарышкинъ, Мещерскіе и др.; не забывала старика и сама Государыня, которая иногда обѣдала у него, какъ говорится, за̀-просто, посемейному. Въ 1765 г. Неплюевъ, въ сопровожденіи сына Н. И., отправился въ Поддубье поклониться праху своихъ родителей и помолиться объ упокоеніи ихъ душъ; затѣмъ, проживъ въ Поддубьѣ 11 дней, онъ чрезъ Москву выѣхалъ въ Малороссію, а Н. И. возвратился въ С.-Петербургъ. Въ началѣ февраля того же года, Неплюевъ прибылъ въ Янполь, гдѣ вскорѣ заболѣлъ и написалъ о томъ сыну. Н. И. навѣстилъ больного отца и, видя его слабость, уговорилъ переѣхать въ Петербургъ,

чтобы жить съ нимъ вмѣстѣ. Въ январѣ 1766 г. Неплюевъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился было здѣсь на дачѣ; но ему скоро надоѣла бездѣятельная дачная жизнь, и онъ отправился въ своё родное село Поддубье, гдѣ заложилъ храмъ и, при помощи другихъ, занялся хлѣбосѣвомъ, а въ свободное время слушалъ чтеніе книгъ, для чего держалъ при себѣ особыхъ двоихъ чтецовъ. Впрочемъ новости и газеты его уже не интересовали; онъ самъ говоритъ: „о нихъ я уже не желалъ слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра". Но И. И. и въ это время не жилъ затворникомъ: домъ его всегда былъ самымъ хлѣбосольнымъ пріютомъ для постороннихъ лицъ. Сосѣднее дворянство особенно любило посѣщать старика Неплюева, спрашивало его опытныхъ совѣтовъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и находило большое удовольствіе слушать его разсказы о быломъ, а извѣстно, что старики гораздо лучше вспоминаютъ то, что случилось давнымъ-давно, чѣмъ то, что было недавно: И. И. разсказывалъ о былыхъ временахъ съ такимъ оживленіемъ и съ такими подробностями, какъ будто бы это было вчера. 24 іюня 1772 г. былъ освященъ построенный Неплюевымъ въ Поддубьѣ каменный храмъ, въ которомъ онъ указалъ себѣ и мѣсто для могилы. Въ слѣдующемъ году сынъ Неплюева, Н. И. получилъ чинъ д. ст. сов. и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената, а внукъ его И. Н., получившій блестящее образованіе за границей, произведенъ въ секундъ-маіоры гвардіи. Неплюевъ, узнавъ о томъ и о бракосочетаніи Наслѣдника престола Павла Петровича, отправился, поддерживаемый подъ руки другими, въ новопостроенный храмъ, въ сопровожденіи бывшихъ у него гостей, и здѣсь попросилъ священника отслужить съ колѣнопреклоненіемъ благодарственный Господу Богу молебенъ о ниспосланіи благословенія Божія на новобрачныхъ, чтобы Господь, милуя Россію, „утвердилъ корень ихъ во вѣкъ вѣковъ".— „Сколь ни усилились мои болѣзненные припадки, и сколько я уже былъ ни безнадеженъ о моей жизни",—замѣчаетъ по этому случаю Неплюевъ,—„однако таковыя извѣстія наполняли меня

радостію, что судилъ мнѣ Господь Богъ дождаться сего въ старости моей“.

Въ октябрѣ того же 1773 г. Неплюевъ, чувствуя необыкновенный упадокъ силъ, сталъ приготовляться къ смерти: „Се уже приближается вѣкъ мой“, писалъ онъ сыну: „слабость тѣла и памяти предвѣщаетъ разрушеніе всего тѣла, въ чемъ я предаюсь судьбамъ Вышняго; ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, на сколько возможно человѣку, спокойнымъ духомъ“. Недѣли за двѣ до своей кончины, Неплюевъ въ послѣдній разъ продиктовалъ слѣдующее письмо своему сыну:

„Николай Ивановичъ! Сохраняй св. вѣру, вразумляй о той дѣтей своихъ; исполняй, по возможности, заповѣди Господа. Онъ Всевышній есть Источникъ всѣхъ благъ, небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ Ея Величеству и къ учреждаемымъ отъ Нея и чрезъ Нее наслѣдникамъ; соблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что тебѣ за то понести случилось; вѣдай, что Богъ и ея Величество правды твоея будутъ покровители,— если не въ это время, то послѣ тебѣ черезъ нихъ откроется. Люби свое отечество и, въ защищеніе того пользы, не щади не только благосостоянія, но и жизни. Подчиненнымъ твоимъ и, паче, крестьянамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе! „милости хощу, а не жертвы“, и что они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами. Наконецъ скажу: умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо твоему здоровью вредна, но и познанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ“. Въ концѣ своего письма, Неплюевъ, обращаясь съ молитвою къ Богу, говоритъ: „Къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю молитву мою: сохрани его, дѣтей его и весь родъ мой, и вразуми ихъ совершить теченіе сея жизни Тебѣ угодное, въ вѣрности къ Нашей Государынѣ и въ пользу Отечества“. Письмо заканчивается словами: „Еще

прости, мой любезный сынъ Н. И.; мысленно тебя обнимаю, цѣлую,—да будетъ благодать Господня надъ тобою!"

Больной и ослабѣвшій старецъ цѣлые три дня диктовалъ это письмо, а писали его жившіе при немъ племянники кн. Андрей Ивановичъ Мышецкій и Василій Васильевичъ Татищевъ; самъ И. И. Неплюевъ, при помощи Мышецкаго, только подписался.—Письмо было послано съ нарочнымъ въ Петербургъ 29 октября, а въ ночь на 30 октября сдѣлался съ Неплюевымъ жаръ и только на разсвѣтѣ онъ какъ-бы немного забылся; когда же очнулся, прежде всего спросилъ: „уѣхалъ-ли человѣкъ съ письмомъ въ Петербургъ?"—Спустя дня три послѣ этого, И. И., чувствуя нѣкоторое облегченіе, громко спросилъ: „Кто тамъ стучитъ? Не пріѣхалъ-ли Н. И.?—Но зачѣмъ ему ко мнѣ ѣхать?!" продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою: „я съ нимъ уже простился и все, что имѣлъ, сказалъ и что бы теперь сказать ему могъ?—Уже ничего не осталось".—Помолчавъ немного, старецъ снова заговорилъ, глубоко вздохнувши: „еслибы онъ и пріѣхалъ, то, кромѣ огорченія себѣ, ничего не найдетъ,—я знаю его нѣжное чувство: онъ, увидя меня въ такой уже слабости, можетъ повредить своему здоровью, а меня своимъ присутствіемъ—отвлечь отъ моего дома".

Говоря эти слова, И. И. обливался горькими слезами и съ глубокой вѣрой въ Бога воскликнулъ: „Ты Боже, ниспошли ему свою милость!"

Въ тотъ же день И. И., какъ истинный, убѣжденно и глубоко вѣрующій христіанинъ, попросилъ священника отслужить обѣдню и, раскаявшись чистосердечно въ своихъ человѣческихъ слабостяхъ, съ вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе, пріобщился св. Таинъ. Послѣ этого, больной въ теченіе цѣлой недѣли почти не поднималъ уже своей головы,—и только утромъ 11 ноября спросилъ: „будетъ-ли сегодня обѣдня?"—Когда ему сказали, что обѣдня будетъ отслужена, онъ съ глубокимъ смиреніемъ и тихою грустью проговорилъ: „помолитесь обо мнѣ грѣшномъ"! и вслѣдъ затѣмъ тихо и спокойно опочилъ вѣчнымъ сномъ. Не смотря на то,

что И. И. умеръ на 81 г. своей жизни, лицо его даже въ гробу сохранило слѣды нѣкогда дивной красоты, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ присутствовавшихъ при его погребеніи; его положили въ гробъ въ мантіи и цѣпи кавалеровъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Неплюевъ еще при жизни самъ сдѣлалъ подробныя наставленія относительно церемоніи погребенія и даже самъ продиктовалъ надгробную надпись. Погребеніе было совершено въ 9 день послѣ его кончины; гробъ былъ поставленъ въ указанномъ имъ еще при жизни мѣстѣ, внутри Поддубскаго храма, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ фамильнымъ склепомъ рода Неплюевыхъ. Въ глубинѣ этого храма противъ алтаря, на лѣвой сторонѣ, доселѣ возвышается гробъ изъ лиловатаго камня, покрытый черною чугунною плитою, съ выпуклыми изображеніями человѣческихъ костей и черепа и съ слѣдующею надписью: „Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство изчезаютъ, и все то покрываетъ камень, тѣло же истлѣваетъ и въ прахъ обращается. Здѣсь лежитъ тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера Ивана Неплюева. Умеръ въ селѣ Поддубьѣ 80 лѣтъ и 6 дней, ноября 11 дня 1773 г.“.

Такъ закончилъ свою трудовую жизнь этотъ замѣчательный государственный человѣкъ! И. И. Неплюевъ былъ не только мудрый дипломатъ, энергичный и умный колонизаторъ, талантливый администраторъ, храбрый и опытный морякъ, искусный инженеръ, но и прекрасный отецъ семейства, искренно и убѣжденно вѣрующій христіанинъ,—это былъ человѣкъ не подкупный честности, который никогда ни отъ кого ничего не взялъ, и никто не смѣлъ никогда къ нему явиться съ какими-либо подарками; но доступъ до него былъ открытъ каждому, и всякаго онъ выслушивалъ со вниманіемъ и удивительнымъ терпѣніемъ. Интересы отечества онъ предпочиталъ своей жизни и благосостоянію, держась неуклонно правила служить Россіи до послѣдняго изнеможенія силъ, а потому и не сносны были ему всѣ, особенно въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу. Умирая, онъ просилъ „помолиться о немъ“,—и по-

томство помнитъ этотъ завѣтъ: жители городовъ и селъ Оренбургскаго края не разъ молились объ упокоеніи его души. Не забудемъ еще одного желанія И. И. Неплюева. Онъ завѣщалъ своему сыну быть „въ отношеніи къ подчиненнымъ своимъ, особенно же къ крестьянамъ болѣе отцемъ, чѣмъ господиномъ, не забывая, что они такіе же люди, какъ и онъ, кромѣ чиновъ и власти, данной ему гражданскими законами", Неплюевъ какъ-бы предвидѣлъ необходимость помощи крестьянину со стороны интеллигентнаго человѣка. Внутреннія реформы минувшаго и настоящаго славнаго царствованія призвали къ совмѣстной дѣятельности на пользу народа всѣ классы общества. Духовенство, дворянство, земство, интеллигентный классъ,—всѣ дружно работаютъ на родной нивѣ, заботясь объ экономическомъ, умственномъ и религіозномъ развитіи простого народа, силу и значеніе котораго такъ вѣрно и мѣтко опредѣлилъ геній нашего баснописца: „съ новою весной листъ новый народится, а если корень изсушится,— не станетъ дерева, ни васъ" (Листы и Корни), да и пословица говоритъ: „не будетъ пахатника,—не будетъ и бархатника".—Не забудемъ совѣта И. И. Неплюева „помогать" нашему ратаю полей и пожелаемъ, чтобы Русь не оскудѣвала такими умными, сердечными и религіозными тружениками, какимъ былъ вѣчнопамятный И. И. Неплюевъ!—Отъ лица всѣхъ, собравшихся здѣсь моихъ сочленовъ, обращаюсь къ тебѣ, великій государственный мужъ нашего Отечества! Миръ праху твоему, вѣрный и честный слуга Русскихъ Царей и Отечества, и царство небесное многотрудившейся душѣ твоей, глубоковѣрующій христіанинъ и вѣрный членъ Св. Православной Церкви! Съ любовью и благодарностію шлемъ привѣтъ тебѣ съ земли на небо, будучи увѣрены въ твоей искренней и пламенной любви къ Россіи и въ загробной жизни, но „за могилой рѣчь безмолвна"!....

В. Н. Витевскій.

4 ноября 1893 г.
г. Казань.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ КОЛОНИЗАЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА.

„Мы Петра Великаго ученики"...

Въ день двухсотлѣтняго юбилея памяти Ивана Ивановича Неплюева, мнѣ хотѣлось бы подвести итоги его колонизаторской дѣятельности. Эта дѣятельность обстоятельно разработана въ специальной исторической литературѣ [1]) и мнѣ нѣтъ нужды на юбилейномъ засѣданіи нашего общества утомлять Ваше вниманіе подробностями этихъ итоговъ. Я могу обѣщать только самую общую характеристику тѣхъ средствъ, какія были употреблены И. И. Неплюевымъ для успѣха русской колонизаціи въ Закамскомъ краѣ, и тѣхъ результатовъ, къ какимъ привели эти средства; но, чтобы по справедливости оцѣнить то и другое, средства и результаты, необходимо знать, съ чѣмъ и съ кѣмъ Ивану Ивановичу Неплюеву пришлось имѣть дѣло.

---

[1]) Ешевскій: «Русская колонизація Сѣверо-Восточнаго края» и его же: «Очеркъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны», Н. А. Ѳирсовъ: «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства»; Витевскій. «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край».

Прежде всего,—что это за край, управлять которымъ послало Неплюева Елизаветинское правительство?

Это—обширная страна между Камой, Волгой, Каспійскимъ моремъ и Уральскимъ горнымъ хребтомъ. Только сѣверная часть этой страны изобиловала лѣсомъ, приблизительно до Самары, а остальное пространство представляетъ степь, примыкающую на юго-востокѣ къ пескамъ Средней Азіи.

Русская колонизація этой окраины началась вскорѣ послѣ подчиненія восточныхъ татарскихъ царствъ, — Казанскаго и Астраханскаго,—Московскому государству; но въ началѣ движеніе русскаго населенія въ Яицкія степи не только не встрѣчало одобренія со стороны московскаго правительства, но даже прямо шло въ разрѣзъ съ его видами. Колонизація огромныхъ пространствъ за Волгой и Камой была вовсе не въ интересахъ Московскаго государства въ XVI и XVII стол., страдавшаго не избыткомъ населенія, а его недостаткомъ и, притомъ, почти полнымъ отсутствіемъ широкой промышленной предпріимчивости.

Но такъ какъ, кромѣ того, Московское государство болѣло и другими общественными болѣзнями, то колонизація, по необходимости, сдѣлалась „вольной". Новыя мѣста начали заселять люди, убѣжавшіе изъ государства и назвавшіе себя „вольными людьми". Съ тихаго Дона избытокъ такихъ бѣглецовъ перекочевалъ на широкую Волгу, а съ Волги—на укромный Яикъ. Казацкія общины, созданныя этими любителями степного простора, заняли на окраинахъ весьма двусмысленное положеніе. Онѣ называли себя подданными „великаго государя московскаго",—особенно, если имъ удавалось какое-либо предпріятіе противъ сосѣднихъ государствъ или враждебныхъ Россіи инородцевъ: тогда казаки настойчиво заявляли о своемъ подданствѣ, разсчитывая получить жалованье отъ великаго государя за службу; но зато въ другое время казаки считали себя вполнѣ независимыми отъ Москвы и въ такіе моменты въ глазахъ московскаго правительства являлись „ворами" или „воровскими казаками", противъ которыхъ посылались царскіе

воеводы для наказанія ихъ за разбои. Независимѣе другихъ казацкихъ общинъ вела себя та, которая осѣла на Яикѣ, потому-что эта община наиболѣе была отдалена отъ надзора московской администраціи, очень слабой въ тѣ времена на окраинахъ. Вплоть до разинскаго мятежа яицкіе казаки de facto совершенно не признавали надъ собой московской власти. Община, принявъ въ свой составъ довольно значительный инородческій элементъ, управлялась обычнымъ правомъ казацкихъ круговъ, съ ихъ выборными излюбленными начальными людьми, правомъ, принаровленнымъ къ условіямъ общественнаго казацкаго хозяйства. Все богатство яицкихъ казаковъ заключалось въ рѣкѣ, изобиловавшей рыбой, и вотъ кормилецъ—Яикъ явился центромъ, къ которому тянулись всѣ нити правовыхъ нормъ, стремившихся къ возможно безпристрастному дѣлежу общиннаго богатства. Московское правительство, косо смотрѣвшее на фактическую независимость яицкихъ казаковъ, рѣшило подкопаться подъ ихъ экономическое благосостояніе. Въ половинѣ XVII ст., по приказанію государя, на устьѣ Яика былъ построенъ служилыми людьми Гурьевъ городокъ, и сдѣланъ учугъ въ рѣкѣ: городокъ началъ заграждать яицкимъ казакамъ путь къ ихъ грабительскимъ операціямъ на Каспійскомъ морѣ, а „учугъ“ или „перебой“ началъ заграждать путь рыбѣ, идущей изъ моря вверхъ по рѣкѣ. Казаки почувствовали, что родная почва заколебалась подъ ними. Они инстиктивно понимали, что на нихъ надвигается сила, по своей сущности враждебная ихъ волѣ и обычному праву, сила государственности противъ своеволія.

Но, не смотря на то, что при Петрѣ Великомъ яицкое войско было втиснуто въ категорію служилыхъ людей, пользы отъ нихъ государству было немного, потому что Императоръ Петръ не кончилъ устройства казацкаго войска на новыхъ началахъ, а послѣ него представителямъ верховной власти было не до казацкихъ дѣлъ, когда ихъ собственныя—были болѣе, чѣмъ сомнительны. Между тѣмъ, устройство яицкой общины и окончательное обращеніе казаковъ въ слугъ прави-

тельства было тѣмъ болѣе своевременно, что они могли бы помочь русской мѣстной администраціи въ другомъ, еще болѣе важномъ, государственномъ дѣлѣ, — въ дѣлѣ умиротворенія инородцевъ въ Оренбургскомъ краѣ, которые доставляли правительству множество величайшихъ хлопотъ.

Такъ называемый Закамскій край съ давнихъ временъ былъ населенъ татарами, башкирами, киргизами и др. инородцами. Всѣ эти инородцы платили ясакъ правительству, и это обстоятельство сдѣлалось причиной появленія въ ихъ средѣ сначала только однихъ служилыхъ людей для сбора „даней", а затѣмъ и русскихъ промышленниковъ. Тѣ и другіе очень нерѣдко вызывали возстанія инородцевъ противъ русской власти; изъ всѣхъ инородцевъ, наиболѣе неукротимыми и всегда готовыми составить заговоръ противъ русскихъ, были башкиры. „Оный Башкирскій народъ,—пишетъ хорошо его узнавшій И. И. Неплюевъ,—съ начала подданства царю Ивану Васильевичу, по ихъ природному звѣрству, прежде бытности моей, въ разныя времена бунтовалъ 6 разъ". Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что русское населеніе въ Оренбургскомъ краѣ было незначительно, крѣпостей, особенно по яицкой линіи, было тоже немного, да и тѣ въ неисправности, то мы составимъ себѣ приблизительное понятіе о полной неустойчивости русскаго вліянія на юго-восточной окраинѣ до Неплюева, несмотря на усердную здѣсь дѣятельность его предшественниковъ—Кириллова и Татищева.

Итакъ, теперь мы можемъ болѣе или менѣе ясно представить себѣ эту обширную территорію, на которой совершенно затерялись русскія поселенія или убогія крѣпостцы съ заборами „изъ плетня" и земляными валами; по этой территоріи кочуютъ полудикіе народцы, всегда, при первомъ удобномъ случаѣ, готовые перерѣзать ничтожные гарнизоны еще болѣе ничтожныхъ крѣпостей и перейти за „Камень", навсегда, такимъ образомъ, разставшись съ Россійской Имперіей; только въ одной части этой территоріи замѣтны слѣды энергичной жизни, несмущающейся сосѣдствомъ кочевниковъ: это—Яицкій городокъ.

и прилегающія къ нему казація станицы; но тамъ слышатся постоянныя угрозы по старому адресу,—къ „Москвѣ“,—слышатся призывы: оставить родину и переселиться въ киргизскія степи для независимаго существованія. Словомъ, намъ необходимо представить картину края, почти нетронутаго земледѣльческой и промышленной культурой, съ колеблющимися и враждебными русскому правительству элементами.

Такимъ образомъ, состояніе Оренбургскаго края ставило передъ Неплюевымъ трудную и сложную задачу: 1) колонизировать и культивировать край и 2) приручить найденное имъ здѣсь населеніе къ русской власти и навсегда закрѣпить его за территоріей. Трудность этого дѣла будетъ для насъ еще болѣе понятна, если мы примемъ въ соображеніе, что первая часть означенной задачи стояла на первыхъ порахъ въ радикальномъ противорѣчіи со второй. Нужно помнить, что казацкое и инородческое населеніе и отнеслось къ русской власти особенно враждебно съ тѣхъ поръ, какъ увидѣло, что правительство намѣрено, какъ можно тѣснѣе, сплотить юго-восточную окраину съ ядромъ государства административными и культурными способами. По правительственному плану, распространеніе русской культуры въ этихъ дикихъ степяхъ должно было содѣйствовать возвышенію въ нихъ административнаго режима, и будущее вполнѣ оправдало этотъ естественный планъ устройства Оренбургскаго края; но на первыхъ порахъ культурная колонизація вызвала рѣзкій степной протестъ, такъ какъ она неизбѣжно потребовала отчужденія инородческихъ земель въ пользу русскихъ промышленныхъ людей. Кромѣ того, вопросъ колонизаціи осложнялся еще тѣмъ, что административный режимъ, къ которому колонизація стремилась, одинаково былъ ненавистенъ и „вольному“ казачеству, и инородцамъ. Съ этой точки зрѣнія интересы обоихъ элементовъ степи были солидарны.

Неплюевъ понялъ, что для успѣха административной и культурной дѣятельности въ краѣ необходимо прежде всего разъединить интересы казаковъ и инородцевъ: пріохотить пер-

выхъ къ государственной службѣ и при ихъ помощи дѣйствовать на вторыхъ. Неплюевъ видѣлъ, что казаки гораздо болѣе могутъ помочь ему въ дѣлѣ военной колонизаціи края, чѣмъ переселенныя сюда малочисленныя и не привыкшія къ мѣстнымъ условіямъ регулярныя войска. Но, чтобы пріохотить казаковъ дѣйствовать за одно съ намѣреніями русской власти, необходимо было показать имъ, что правительство заботится объ ихъ благосостояніи, необходимо было привлечь казаковъ къ обще-русской работѣ въ странѣ не репрессаліями, а экономическими льготами. Это убѣжденіе и было положено Неплюевымъ въ основу его заботъ объ яицкомъ войскѣ. Неплюевъ хорошо зналъ, въ чемъ заключается больное мѣсто общественнаго хозяйства яицкихъ казаковъ,—именно въ существованіи казенныхъ учуговъ на устьѣ Яика. Это-то больное мѣсто Неплюевъ рѣшился залѣчить съ условіемъ, чтобы казаки заплатили за это доброхотной службой государству. Онъ обѣщалъ за казацкую службу отпереть гурьевскіе учуги на восемь саженъ отъ каждаго берега. Эти учуги на столько подрывали яицкое хозяйство, что довольно было такого скромнаго, одобреннаго правительствомъ, предложенія Неплюева, чтобы казаки съ готовностью согласились не только защищать такъ называемую Ниже-Яицкую линію, но и соорудить на свой счетъ двѣ крѣпости съ постоянными казацкими гарнизонами по 500 человѣкъ. Дѣло пошло на ладъ: узелъ военной колонизаціи началъ завязываться весьма успѣшно. Чтобы еще болѣе связать интересы казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ выхлопоталъ у него для нихъ ежегодную субсидію въ 2,000 руб., которую они начали получать въ добавленіе къ опредѣленному имъ жалованью. Вѣрный своему убѣжденію, Неплюевъ пошелъ въ своихъ заботахъ объ яицкомъ войскѣ даже дальше правительства, не согласившагося съ его предложеніемъ отдать гурьевскіе учуги яицкому войску въ вѣчное владѣніе и, притомъ, безъ платежа оброка и пошлинъ; но зато Неплюеву удалось провести другую мѣру своей дальновидной политики, именно: названные учуги, вмѣстѣ съ рыбными ловлями, съ

таможенными и питейными сборами, были отданы въ содержаніе яицкому войску съ платой въ казну за то и другое по 5,446 р. 79 к. въ годъ, что было очень выгодно и казацкой общинѣ и правительству. Эта политика Неплюева была столько же гуманна, сколько и практична. Она положила рѣзкую грань между казаками и инородцами въ ихъ отношеніяхъ къ русской администраціи. Казаки, ясно увидавъ, на чьей сторонѣ лежатъ ихъ интересы, начали усердно охранять русскія поселенія отъ инородцевъ и даже быстро подчинились тому устройству ихъ общины, которое было введено Неплюевымъ и которое во многомъ рѣшительно расходилось со старинными казацкими обычаями; довольно указать на то, что войсковой атаманъ яицкихъ казаковъ былъ поставленъ подъ „команду" оренбургскаго губернатора.

Такимъ образомъ, одинъ изъ вопросовъ программы, зародившейся еще въ умѣ Петра Великаго, если и не былъ рѣшенъ окончательно, то во всякомъ случаѣ, для его успѣшнаго разрѣшенія были выдвинуты наиболѣе удачныя средства. Благодаря этимъ средствамъ, Неплюевъ могъ твердо повести дѣло военной колонизаціи. Прежнее топографическое направленіе этой колонизаціи, намѣченное Кирилловымъ, Неплюевъ нашелъ весьма удовлетворительнымъ, но онъ значительно увеличилъ число крѣпостей, благодаря полученной имъ самимъ возможности располагать мѣстными казацкими силами.

Одобривъ общее направленіе укрѣпленій, Неплюевъ не нашелъ, однако, удобнымъ главный пунктъ ихъ, основанный Кириловымъ подъ именемъ „Оренбурга" на верховьяхъ Яика,— пунктъ, дѣйствительно, весьма непрактично выбранный, главнымъ образомъ вслѣдствіе его отдаленности отъ той опорной силы, которую Неплюевъ положилъ въ основу колонизаціи, отъ Яицкаго казачества. Вслѣдствіе этого и другихъ недостатковъ Кириловскаго Оренбурга („недовольство" лѣса, вредныя испаренія и т. д.), Неплюевъ разжаловалъ этотъ пунктъ изъ Оренбурга въ Орскую крѣпость, а Оренбургъ перенесъ на 200 верстъ ниже по Яику, къ рѣчкѣ Сакмаркѣ. Стратегиче-

ское достоинство Неплюевскаго Оренбурга несомнѣнно: онъ находился почти въ центрѣ тѣхъ укрѣпленныхъ линій, которыми киргизы были отдѣлены отъ башкирцевъ, запертыхъ крѣпостями, какъ въ западнѣ, между Камой, Волгой и Яикомъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя было ожидать отъ привыкшаго къ мятежамъ, энергичнаго башкирскаго народа, чтобы онъ безъ борьбы подчинился своему положенію.

Теперь къ прежнимъ причинамъ волненія башкирцевъ,—причинамъ, сводившимся къ давленію со стороны представителей русской администраціи, присоединились новыя, которыя заключались въ сильномъ развитіи здѣсь промышленной колонизаціи. Мысль объ отысканіи руды въ башкирскомъ краѣ принадлежитъ Петровскому времени; ее старался примѣнить къ дѣлу Кирилловъ, но дѣло шло плохо до Неплюева, который имѣлъ полное право впослѣдствіи говорить: „Во многихъ мѣстахъ лежащіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минераллы стараніемъ моимъ были открыты, а посему явились желающіе заводить разные заводы, коихъ польза, какъ общая, такъ и частная заводчиковъ всѣмъ уже извѣстна“.

Впрочемъ, прежде чѣмъ случилось это, Неплюеву пришлось выдержать борьбу съ Бергъ—коллегіей, управлявшей горно-заводской промышленностью и доказывавшей центральному правительству, что разработка праздно лежащихъ „подземныхъ богатствъ“ должна находиться въ рукахъ казны. Неплюевъ, напротивъ, доказывалъ, что въ интересахъ послѣдней слѣдуетъ отдать это дѣло въ руки частныхъ лицъ; споръ былъ рѣшенъ сенатомъ въ пользу Неплюевскаго мнѣнія, и вотъ въ Оренбургскомъ краѣ, съ легкой руки симбирскаго купца Твердышева, получившаго за успѣшную эксплоатацію „нѣдръ земныхъ“ дворянское званіе, и настоящіе дворяне обратились къ выгодному промыслу, доставившему Твердышеву, кромѣ дворянства, и весьма большое богатство; на башкирскихъ земляхъ появились заводы графовъ Шуваловыхъ, Сиверса, Строганова, генералъ-прокурора Глѣбова, дворянъ Демидовыхъ и др., съ огромнымъ количествомъ приписанныхъ къ этимъ

привиллегированнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ. Вообще, со времени зарожденія въ юго-восточной окраинѣ культурно-экономической дѣятельности, правительство начало не только вызывать и насильно переселять сюда колонистовъ, но и очень снисходительно смотрѣть на бѣглыхъ, разъ они пріютились на мѣдныхъ или желѣзныхъ заводахъ.

Правительство отлично стало понимать, какую значительную выгоду доставить край государственному и народному хозяйству, когда природные дары Башкиріи будутъ широко разработаны.

Однако сама Башкирія всѣми этими колонизаторскими стремленіями русскихъ была настроена далеко не мирно. Явились русскіе,—исконные ея враги,—уже не для того только, чтобы получить ясакъ и затѣмъ уйти въ свои острожки, не захватывавшіе много земли; нѣтъ,—эти люди пришли основательно поселиться въ Башкиріи, отнять у свободнаго народа его лѣса и степи, взрыть ихъ родныя земли по всѣмъ направленіямъ и создать совершенно иной складъ жизни, совсѣмъ не похожій на обычаи кочевника. Наблюдатель и хорошій знатокъ Башкирскаго края въ тѣ времена, капитанъ Рычковъ, свидѣтельствуетъ, что башкирскій народъ „ничто столь много не уважаетъ и не бережетъ, какъ старинныя свои вотчинныя земли и отхожія, т. е. лѣсныя угодья". Отсюда можно заключить, что ненависть, которую башкирцы сначала затаили въ своихъ сердцахъ, а потомъ свирѣпо выразили въ открытомъ мятежѣ противъ русскихъ, вытекала, главнымъ образомъ, изъ экономическихъ причинъ, изъ условій промышленной русской колонизаціи и соединеннаго съ ней перехода башкирскихъ земель въ руки людей, причинявшихъ имъ вдобавокъ всевозможныя вымогательства. Это очень хорошо понимало въ то время само правительство, запрещавшее заводчикамъ пріобрѣтать у башкирцевъ лишнія земли, которыя доставались русскимъ чуть-ли не даромъ,—особенно лицамъ, власть имѣющимъ. Что вопросъ о башкирскихъ земляхъ былъ очень щекотливый вопросъ и въ тѣ времена, ясно показываютъ слова

того-же капитана Рычкова. „Безпристрастно можно сказать,—пишетъ онъ,—что при первомъ заведеніи горныхъ заводовъ, къ коимъ на всякія строенія, такожъ на дрова и уголья, множество лѣсовъ необходимо требуется", нужна „великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умѣренность съ башкирцами, дабы по ихъ дикости и легкомыслію, отъ новости на земляхъ ихъ такихъ заводовъ затрудненій не было и вновь бы безпокойство не отрыгнуло".

Предвидя, что „безпокойство", дѣйствительно, можетъ „отрыгнуться", Неплюевъ всю свою политику по отношенію къ инородцамъ построилъ на принципѣ разъединенія ихъ интересовъ. Подобно тому какъ экономическими льготами онъ связалъ интересы яицкихъ казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ соціальными и финансовыми мѣрами стремился разорвать связь, которая соединяла башкирцевъ и другихъ многочисленныхъ инородцевъ, называвшихся на оффиціальномъ языкѣ (по ихъ соціальному положенію, а не этнографическимъ особенностямъ) „тептерями" и „бобылями". По свидѣтельству Рычкова, тептери и бобыли, живя на земляхъ богатыхъ башкирцевъ и платя за это имъ оброкъ, находились въ такомъ положеніи, что башкирцы „ихъ почти за своихъ крестьянъ почитали". Неплюевъ выхлопоталъ у правительства освобожденіе для тептерей и бобылей отъ башкирской крѣпостной зависимости, но за то обложилъ ихъ 80-ти гривенной подушной податью, которая не была съ нихъ снята и тогда, когда правительство, по представленію Неплюева, замѣнило прямой налогъ на инородцевъ косвеннымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Неплюевъ руководствовался какъ финансовымъ разсчетомъ, такъ и политикой разъединенія инородцевъ посредствомъ установленія различныхъ съ нихъ финансовыхъ требованій. Предлагая правительству, вмѣсто сбора ясака съ мещеряковъ и башкирцевъ, ввести обязательную для нихъ продажу казенной соли, Неплюевъ доказывалъ, что ясакъ съ мещеряковъ и башкирцевъ, платившихъ лишь 4392 р. 65 к. ежегодно съ 123. 122 чел., не такъ выгоденъ для казны, какъ введеніе обязатель-

ной продажи казенной соли; но за-то прямой налогъ на тептерей и бобылей, при восьмигривенномъ окладѣ, по показанію Неплюева, давалъ казнѣ 23,105 р., каковыхъ нельзя было получить съ нихъ отъ продажи имъ казенной соли; кромѣ того, снимать ясакъ съ бобылей и тептерей Неплюевъ считалъ невыгоднымъ и потому, чтобы не возникло между ними и башкирцами солидарности.

Такая соціальная и финансовая политика Неплюева по отношенію къ инородцамъ до извѣстной степени достигла цѣли, я говорю—до извѣстной степени, потому что въ этомъ случаѣ не было такого успѣха, какимъ сопровождалась покровительственная система, предпринятая нашимъ колонизаторомъ по отношенію къ яицкому войску. Не смотря на соціальный и финансовый тактъ Неплюева, все же инородцы объединялись общимъ имъ всѣмъ недовольствомъ русскою властью, выражавшеюся для нихъ въ сборѣ ясака съ древнихъ временъ, въ военной и особенно промышленной колонизаціи новаго времени. Введеніе обязательной продажи казенной соли усиливало еще болѣе общеинородческое недовольство, такъ какъ этотъ налогъ былъ одинаково тяжелъ для всѣхъ; можно даже сказать, что онъ явился послѣднимъ толчкомъ къ башкирскому мятежу 1755 года. Хотя руководитель этого мятежа Батырша и призывалъ башкирцевъ къ возстанію во имя ислама, но они, понимавшіе свои реальные интересы гораздо лучше, чѣмъ религію Магомета, хорошо знали, за что они главнымъ образомъ мстили русскимъ. Батырша впослѣдствіи показывалъ, что встрѣченная имъ толпа башкирцевъ, жалуясь ему, кричала: „Злой воръ, заводскій командиръ, имѣніе наше покралъ и разграбилъ, земли и воды наши отнялъ, женъ и дочерей нашихъ предъ нашими глазами блудилъ"... Не даромъ ненависть башкирцевъ обрушилась на заводы, причемъ ими былъ сожженъ заводъ гр. А. И. Шувалова. Разсказывать о мятежѣ Батырши не входило въ мои намѣренія; не имѣя также возможности, по недостатку времени, подробно останавливаться на средствахъ, которыя были употреблены Неплюевымъ для усмиренія мятежа, я, однако,

считаю своею обязанностью замѣтить, что Неплюеву, кромѣ устроенныхъ имъ укрѣпленныхъ линій и вызванныхъ имъ же воинскихъ командъ съ донскими казаками, много помогло и его замѣчательное умѣніе пользоваться самими инородцами противъ ихъ же собратій. Такъ, ему удалось возбудить противъ башкирцевъ — тептерей, мещеряковъ и особенно киргизовъ; послѣднихъ Неплюевъ сдѣлалъ непримиримыми врагами башкирцевъ, на которыхъ онъ направилъ алчность киргизовъ въ то время, когда башкирцы надѣялись на ихъ помощь. Съ другой стороны, послѣ отнятія киргизами у башкирцевъ имѣній, женъ и дочерей, Неплюевъ „подъ рукой“ далъ понять башкирцамъ, что, если они захотятъ отмстить своимъ оскорбителямъ, то русская администрація не станетъ привлекать ихъ къ отвѣту. Башкирцы бросились на киргизовъ, и началась новая рѣзня... Такимъ образомъ, кочевники сами обезсиливали другъ друга, заплативъ за протестъ противъ русской колонизаціи въ ихъ край безпощадной враждой другъ къ другу. Неплюевъ хорошо сознавалъ значеніе этихъ блестящихъ, но кровавыхъ результатовъ своей политики для утвержденія русскаго господства на юго-восточной окраинѣ Европы; онъ занесъ въ свои записки мнѣніе, что инородческая усобица „положила“ между ними такую вражду, „что Россія отъ ихъ согласія навсегда можетъ быть безопасна“.

Имѣя въ виду пользу отечества, отождествлявшагося въ его сознаніи съ государствомъ, И. И. Неплюевъ и на народное хозяйство смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія. Всѣ его заботы о развитіи горно-заводской промышленности въ краѣ воодушевлялись его стремленіемъ доставить наибольшую прибыль казнѣ. Его заботы о торговлѣ говорятъ о томъ же самомъ. Неплюевъ съ гордостью заноситъ въ свои записки, что при немъ начался „знатный торгъ“ въ Оренбургѣ (въ 1745 г.). Раньше приходилось содержать оренбургскую экспедицію на казенную субсидію въ 30.000 рублей; теперь Неплюевъ могъ обходиться при помощи одного пошлиннаго сбора съ товаровъ, поднявшагося до 50.000 рублей. „Прежде

меня,—замѣчаетъ съ гордостью Неплюевъ,—отъ бывшей комерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило". „Казна" для Неплюева, дѣйствительно, была гордостью, потому что въ его глазахъ она являлась олицетвореніемъ государства, его богатства и политическаго могущества. Это былъ своего рода культъ „казны", которымъ въ XVIII ст. прикрывалось много своекорыстныхъ дѣятелей,—но не къ ихъ числу принадлежалъ Неплюевъ, беззавѣтно преданный памяти своего великаго учителя, приказывавшаго „деньги, какъ можно, сбирать, ибо они суть артерія войны".

И Неплюевъ „сбиралъ деньги" очень успѣшно. Сборы въ только что основанномъ и получившемъ значительныя автономныя права Оренбургѣ при Неплюевѣ все время быстро возвышались и, наконецъ, достигли очень крупной цифры. Изъ вѣдомости, заимствованной мной изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, видно, что разнаго рода сборы и подушныя деньги за 10 лѣтъ Неплюевскаго управленія достигли, беря круглыя цифры, съ 5000 р. до 100,000 р.

Приводимъ эту вѣдомость цѣликомъ, такъ какъ она даже въ своихъ абсолютныхъ числахъ очень наглядно представляетъ быстрое прогрессированье казенныхъ доходовъ съ Оренбурга:

Въ	1738 г.	1,375 р. [1]
„	1739 „.	2,543 р.
„	1740 „.	4,313 р.
„	1741 „.	4,524 р.
„	1742 „.	4,799 р.
„	1743 „.	6,411 р.
„	1744 „.	6,835 р.
„	1745 „.	10,712 р.
„	1746 „.	13,645 р.
„	1747 „.	21,458 р.
„	1748 „.	33,000 р.

[1] Копѣйки отбрасываю,

Въ 1749 г.		60,267 р.
„ 1750 „		72,404 р.
„ 1751 „		106,569 р.
„ 1752 „		90,832 р.

Эти цифры, краснорѣчиво свидѣтельствуя о финансовой старательности Неплюева, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, насколько политическіе успѣхи колонизаціонной дѣятельности Неплюева увеличили доходность отъ Оренбургскаго края для казны.

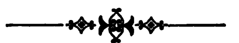
Будучи истиннымъ послѣдователемъ Петра Великаго, И. И. Неплюевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ честныхъ людей, для которыхъ общее благо, такъ или иначе понимаемое ими, остается навсегда основнымъ лозунгомъ жизни. И. И. Неплюевъ, сообразно съ идейной стороной своего времени, подъ общимъ благомъ разумѣлъ политическое могущество Россіи и хорошее состояніе ея финансовъ, и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свою колонизаціонную дѣятельность.

Это былъ великій провинціальный собиратель еще хорошенько не скрѣпленныхъ русскимъ авторитетомъ земель и денегъ для государственнаго казначейства.

И. И. Неплюевъ, посвятившій всю свою жизнь по завѣту Петра Великаго, неустанной дѣятельности, „не покладая рукъ“, —могъ смѣло бросить упрекъ слѣдующему времени, когда онъ, уже лишившись зрѣнія, многое видѣлъ гораздо лучше зрячихъ, не побоялся отказаться отъ предложенія Екатерины II-й снова поступить на службу и высказалъ самой Императрицѣ то, что „чувствовалъ“:

—Нѣтъ, государыня,—сказалъ заслуженный старикъ-колонизаторъ,—мы, Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду: инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются и инако ведутъ себя и инако мыслятъ; итакъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“...

Н. Н. Ѳирсовъ.

Стран.	*Строка*:	*Напечатано*:	*Должно быть*:
—	10 —	съ турецкомъ	съ турецкимъ
21	6 —	пригсъ-коммиссаръ	кригсъ-коммисаръ
22	16 —	къ славѣ	въ славѣ
—	17 —	много	мною
24	13 св.	короламгани	кара-калпаки
—	16 —	Старошишминска	Старошешминска
25	15 —	Россіи	Россіи;
—	2 сн.	Ашакова	Аксакова
27	8 св.	по	и о
28	15 —	по	на
—	22 —	Петербурга	Петербурга,
29	10 —	могу	не могу
—	20 —	раньше,	раньше
34	7 —	законами,	законами.—
43	7 —	имъ	башкирцамъ
44	2 сн.	123.	123122
—	1 —	122	
49	4 св.	Н. И. Неплюеву	Н. Н. Неплюеву

ОПЕЧАТКИ

въ книгѣ „Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. Казань, 1894.“

Стран.	*Строка*:		*Напечатано*:	*Должно быть*:
3	6	св.	не	ни
—	10	сн.	который	которой
—	2	—	господство	господства
4	1	св.	пробудились	пробудилось
—	3	—	обитателемъ	обладателемъ
—	10	—	пищалею	пищалію
—	22	—	дѣлѣ	дѣлѣ,
—	14	сн.	колонизировалъ	колонизировать
—	13	—	воспользовался	воспользоваться
—	7	—	кончались	кончились
5	12	св.	уже была яхта	должна была быть
—	13	—	которыя	которая
—	15	—	долженствовали	долженствовала
6	6	—	государства	государству
9	9	сн.	30	80
11	5	—	съ этой	въ этой
13	12	—	флагшаку	флагману
17	14	св.	нашли	нашла
18	15	—	флота;	флота,
—	17	—	пребываніе,—	пребываніе,“—
—	—	—	въ указѣ“;	въ указѣ,—
—	2	сн.	Константинополь	Константинополь,
—	1	—	выраженію	выраженію,
20	18	—	подъ	надъ

ТЕЛЕГРАММА,

полученная предсѣдателемъ Общества въ отвѣтъ на привѣтствіе, посланное потомку И. И. Неплюева Н. И. Неплюеву.

Прошу Васъ принять и передать членамъ Общества мою сердечную благодарность за привѣтствіе, коимъ благоволили меня почтить по поводу юбилея нашего предка. Чествуемъ память Ивана Ивановича молитвеннымъ собраніемъ, на которомъ члены Крестовоздвиженскаго трудоваго братства, воспитанники и воспитанницы нашихъ школъ, молясь о немъ, будутъ молиться и о тѣхъ, кто въ Казани и Оренбургѣ съ любовію чествуютъ его память.

Николай Неплюевъ.

